

Для цитирования: Дятел Е. П. Формирование понятийной структуры классической политической экономики как предпосылка маржиналистской революции // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 1-16

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.1>

УДК 330.101

JEL: B14, B15, B24, B41, D 46

Е. П. Дятел

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dyatel1942@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Целью статьи является установление взаимосвязи и преемственности маржиналистской революции — отправного пункта современного экономического мышления — с категориальным ядром и логической структурой классической политической экономики. Научное мировоззрение формируется путем переработки совокупности представлений о хозяйственной жизни общества в систему понятий. Они отображают определенные аспекты реальности и находятся во взаимосвязи друг с другом. С объяснением многомерной картины экономической жизни общества успешно справлялась аристотелевская логика, дополненная гегелевской диалектикой. Маржиналистская революция связана с переходом к новой дисциплинарной матрице, новому способу объяснения действительности. Понадобилось пройти немалый путь от представлений о товарном богатстве — в форме запаса накопленных обществом потребительных и меновых стоимостей — к его пониманию как совокупности активов, использование которых создает «излишек общества». Возникла задача нахождения единого способа подсчета результатов экономической деятельности в сфере производства, распределения (обмена) и потребления. На роль общей экономической субстанции претендует «услуга», полезность которой не является внутренним свойством вещей, а представляет собой зависимость между оценивающим лицом и оцениваемыми вещами. В основе маржинального подхода к исчислению полезности (ценности) лежит совокупность методологических принципов, которые создают условия построения системы уравнений общего равновесия и других экономико-математических моделей. Моделирование опирается на функциональные зависимости, отображаемые кривыми спроса и предложения, изоквант и безразличия и т. п. Граничные условия задаются выявленными предпочтениями потребителя и другими абстракциями, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении, выходящем за рамки данной статьи.

Ключевые слова: категориальное ядро классической политической экономики, маржиналистская революция, дисциплинарная матрица экономического мышления

Введение

Под мышлением мы понимаем процесс познания, основу которого составляют представления, понятия, суждения и умозаключения. Объем понятий, которые образуются в результате эмпирических обобщений, сравним с многообразными представлениями индивидов. Отсюда ситуация, когда люди, обладающие различным жизненным опытом, не понимают друг друга и не могут прийти к общим выводам. Это делает актуальной проблему рациональ-

ной организации мышления путем выделения базовых понятий (категорий), определения их субординации и координации с возникающими в процессе индукции родовыми и видовыми понятиями. Ее решение приобретает особое значение для экономического мышления, способного преобразовать окружающую действительность с целью улучшения условий жизнедеятельности индивида и общества.

Логические предпосылки рациональной организации экономического знания

Научно обоснованная структура познания опирается на законы логики, нашедшие свое

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2020.

Формальная причина (<i>causa formalis</i>)	Материальная причина (<i>causa materialis</i>)	Производящая причина (<i>causa efficiens</i>)	Целевая причина (<i>causa finalis</i>)

Рис. 1. Аристотелевская структура научного познания

Родовой признак (<i>causa formalis</i>)	Материальная основа (<i>causa materialis</i>)	Форма преобразования материю (<i>causa efficiens</i>)	Единство формы и содержания (<i>causa finalis</i>)

Рис. 2. Логико-философские основы научного познания

обобщение в трудах Аристотеля, Канта, Гегеля, Дж.С. Милля, К. Маркса и других великих мыслителей. Образуя каркас теоретического мышления, логические законы и категории заимствуются специальными отраслями науки в качестве операционального знания, в котором каждое понятие несет определенную смысловую нагрузку, представляющую инвариантное содержание исследуемого предмета. Например, в трактате Аристотеля «Категории» в систематизированном виде «изложены онтологические предпосылки логики и методологии эмпирических и дедуктивных наук, а также диалектических рассуждений»¹. Создается возможность наполнить операциональные понятия («количество», «качество» и др. — всего 10 категорий) содержанием, позволяющим предметно использовать их в познавательной деятельности. В приводимых Аристотелем примерах неполно отражены метод и структура научного познания. Этому посвящены другие его работы. В «Метафизике» (Аристотель, 1975. Т. 1) говорится о постепенном восхождении от чувственного восприятия к систематизированному, в конечном счете научному, знанию. Излагаются 4 причины, лежащие в основе возникновения вещи как частички бытия (рис. 1).

Данная классификация отражает реальный процесс познания и была использована в трудах естествоиспытателей и обществоведов. В «Предисловии» к первому изданию первого тома «Капитала» К. Маркс пишет: «...конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества» (Маркс, Энгельс. Соч. 1960. Т. 23. С. 10). В качестве *causa finalis*, которая предопределяет ход исследования, предстает «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (Там же. С. 659). Это означает, что в марксистской (также как в аристотелевской) традиции научного исследования логические предпосылки неотделимы от мировоззренческой составляющей. В марксистской политической экономии — это классовая позиция «про-

летариата», у Аристотеля — целевая причина, под которой подразумевается высший разум (Аристотель, 1984. Т. 4. С. 378)². И хотя опыт показывает, что сознательное целеполагание не является необходимым условием существования человека, оно, как элемент практики, формирует конечную причину общественной жизни и общественного прогресса. Но, прежде чем установить, как реализуются экономические цели общественной жизнедеятельности, интерпретируем перечисленные выше причины в более привычных для современного читателя терминах, выступающих в виде исходных логико-философских основ научного познания (рис. 2).

В дальнейшем мы будем пользоваться категориями, которые соотносятся со «второй сущностью» (Аристотель), т. е. содержательно характеризуют объект и предмет научного исследования. Для онтологии Аристотеля базовыми являются материя и форма³, которые в его экономических трудах, а затем в произведениях представителей классической политической экономии, специфицируются как потребительная стоимость и меновая стоимость. Уместно подчеркнуть, что в основе экономической теории К. Маркса также лежит аристотелевская диалектика указанных четырех причин, и прежде всего — социально-экономической формы и ее материальной основы. Она, будучи дополнена логикой Гегеля, позволила структурировать процесс познания и дала возможность создать систему базовых понятий марксистской трудовой теории стоимости (Т. 23, гл. 1) (рис. 3).

² «Аристотель — один из самых радикальных представителей телеологизма: все существует ради какой-то цели» (Мельников С. Введение в философию Аристотеля / лекц. 5. «Метафизика». Учение об «актуально» и «потенциально сущем»: форма и материя, энергия и энтелехия).

³ «То, что является первым для нас — является вторым по природе, а то, что является первым по природе — является вторым для нас. Первое по природе — это элементы: форма и материя, которые не являются первичными в человеческом опыте». ... «Определенность бытия задается второй сущностью (род, вид), что делает это чем-то познаваемым...» (Мельников С. лекц. 4. Метафизика).

¹ Микеладзе З. Н. Примечания // Аристотель. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 598.

<i>Полезность вообще</i>	<i>Потребительная стоимость</i>	<i>Меновая стоимость</i>	<i>Общественная потребительная стоимость (товар)</i>
			<i>Овеществленный труд</i>
<i>Труд вообще</i>	<i>Конкретный труд</i>	<i>Абстрактный труд (общественный характер труда)</i>	<i>Общественно необходимый (частный) труд</i>
<i>Простой средний труд</i>			
<i>Простая, или случайная, форма стоимости</i>	<i>Полная форма стоимости</i>	<i>Всеобщая форма стоимости</i>	<i>Денежная форма</i>
			<i>Товарный фетишизм</i>
<i>Планомерная форма хозяйства</i>	<i>Натуральная форма хозяйства</i>	<i>Товарная форма хозяйства</i>	<i>«Объективные мыслительные формы»</i>

Рис. 3. Логика и структура «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20. С. 320)

К вопросу о неоклассической парадигме экономического мышления

Обращение к «Капиталу» К. Маркса дает основания считать, что по уровню владения понятийным аппаратом исследования он стоит вровень, а в ряде существенных моментов превосходит своего старшего современника Дж.С. Милля — выдающегося логика и последнего великого представителя классической политической экономии. К сожалению, классовая позиция создателя «пролетарской» политической экономии не позволила ему должным образом оценить потенциал альтернативных идей, породивших неоклассическую экономическую теорию.

Считается, что водораздел между классической политической экономией и неоклассической совпадает с маржиналистской революцией 70-х годов XIX в., которая «...изменила облик экономической теории, ее метод и даже предмет» (История экономических учений. 2009. С. 175). В философской литературе такие изменения отождествляются с возникновением новой парадигмы, или новой дисциплинарной матрицы научного исследования¹. Понятие парадигмы было использовано позитивистом Г. Бергманом для указания на нормативный характер методологии. Принимая его, мы не сможем ограничиться формальным перечислением методологических принципов маржи-

нализма без характеристики их мировоззренческой составляющей.

Ключевой принцип — методологического индивидуализма: «В отличие от холистического подхода меркантилистов и классиков, которые мыслили в таких категориях, как страны и классы, маржиналисты придерживались методологического индивидуализма, т. е. объясняли общественные (в данном случае экономические) явления поведением отдельных индивидов. Общество в целом представлялось маржиналистам как совокупность атомистических индивидов» (История экономических учений. 2009). Холизм — философская категория, гласящая, что закономерности общественных явлений нельзя выводить из закономерностей их составных частей. Из холистических представлений (целое больше суммы составных частей) выводятся понятия синергии и *эмерджентности*. Последнее выражает возникновение нового качества путем взаимодействия составных элементов системы. Но при таком понимании вполне холистичными являются «невидимая рука рынка» А. Смита, «крест А. Маршалла», оптимальное распределение ресурсов Дж.Б. Кларка и В. Парето и другие маржинальные понятия и выводы².

Первоисточником методологического индивидуализма, по-видимому, являются высказывания Й. Шумпетера: «Под «социологическим индивидуализмом» мы понимаем широко поддерживавшуюся в XVII и XVIII вв. точку зрения, согласно которой суверенный индивид

¹ Восходящее к Платону понятие «парадигма» (παράδειγμα) выражает основополагающий первообраз, который порождает воспринимаемые нами явления (Платон Тимей // Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 1. С. 489). Между ними находится то, что мы могли бы назвать логико-философской матрицей, преобразуемой в соответствии со «специфической логикой специфического предмета» (К. Маркс) в дисциплинарную матрицу данной области знания.

² В литературе различают онтологический холизм (утверждает верховенство целостностей перед отдельными элементами) и методологический холизм (объясняет отдельные феномены в их связи с целостностями) (См.: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Холизм> (дата обращения 10.07.2019)).

представляет собой базовую единицу исследования в общественных науках. Все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, которые не следует далее анализировать с привлечением надиндивидуальных факторов. В той мере, в какой эта точка зрения представляет собой теорию социального процесса, она, конечно, неприемлема. Однако из этого не следует, что для специальных целей конкретных исследований недопустимо начинать с анализа того или иного поведения индивидов без обращения к факторам, определяющим это поведение. Поведение домохозяйки на рынке можно анализировать, не углубляясь в изучение сформировавших его факторов. ... В этом случае мы говорим о методологическом индивидуализме». И далее: «...методология теоретиков того периода представляла собой методологический индивидуализм» (Шумпетер, 2001. Т. 3. С. 1172, 1173). Ясно, что понимание этого принципа применительно к неоклассике — феномену конца XIX и начала XX вв. — должно претерпевать существенные изменения и дополняться новыми гносеологическими и онтологическими характеристиками.

Гносеология (теория познания) рассматривает вопросы соотношения мышления и бытия. В учебниках по марксистско-ленинской философии этот «основной вопрос» решался в пользу первичности объективной реальности (материи) по отношению к отражающему ее мышлению. При этом не отрицалась активная роль человеческого мышления. С нею связана возможность выбора между альтернативными формами поведения, которые могут привести как к улучшению положения индивида, так и к его ухудшению. О том, что именно такую трактовку приобретала эта проблема с момента становления экономической науки, свидетельствует высказывание Аристотеля: «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (*praxis*) и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу» (Аристотель. Т. 4. С. 54). Следовательно, стремление индивида повысить свое благосостояние в результате выбора определенного вида деятельности, определенной формы поведения не представляет собой что-то новое, неизвестное экономической науке и практике.

М. Блауг в книге «Методология экономической науки» обсуждает соотношение принципов «методологического монизма» и «методологического индивидуализма» (Блауг, 2004. С. 96–104). В первом из них речь идет о единстве метода не только общественных, но также естественных наук. И, если не считать

подобное единство само собой разумеющимся, то может быть стерта демаркационная линия между наукой и ненаукой: идеологией и даже мифами (Feyerabend, 1975. P. 179, 297). Казалось бы, сторонников такой точки зрения не следует искать среди профессиональных ученых. Тем не менее, рассмотрим аргументы в защиту методологического плюрализма. В российской экономической литературе приобретает права гражданства новая, или рациональная, эклектика. Так, Г.Ю. Ивлева считает: «Эклектика необходима и неизбежна при возникновении неопределенности дальнейшего развития той или иной теории. Эклектика выполняет здесь вспомогательную, неявную, но очень важную функцию — расширяет границы познания предмета в рамках данной концепции, открывает его новые грани и аспекты, выполняет роль вариатора в развитии теории (чем больше вариантов развития, тем вероятнее выбор эффективного пути), способствует развитию рефлексии познающего, повышает научный уровень его исследований» (Ивлева, 2003. С. 100). Попробуем применить этот подход к проблеме методологического монизма в том виде, как она изложена у М. Блауга: «Новое возражение против методологического монизма было решительно и даже несколько наивно сформулировано Питером Уинчем в его «Идее общественной науки» (1958). Центральная идея заключается в том, что объяснение в общественных науках должно вестись не в терминах физических причин и следствий, а в терминах мотивов и намерений индивидов (Блауг, 2004. С. 99–100). Наша интерпретация состоит в том, что предмет классической политической экономии и предмет неоклассики представляют различные стороны единого объекта исследования — богатства общества (Дятел, 2013). Оно образуется, во-первых, из товаров, которые переходят от продавца к покупателю, сохраняя свой «физический» облик, во-вторых, из услуг, возникающих в процессе потребления (в том числе производительного потребления). Товары составляют объект политэкономического исследования, имеющего целью установить их «естественную цену», или стоимость, определяемую использованием факторов производства, например, затратами труда. Ценность («стоимость») услуги устанавливается потребителем исходя из личных «мотивов и намерений». В силу естественных особенностей насыщения потребностей такая ценность получает маргинальное выражение, что во многом определяет специфику категорий неоклассики. Две ветви экономической науки об-

разуют единое целое — общую экономическую теорию. По отношению к ней можно говорить о единстве метода, отражающего закономерности диалектики объекта и предмета экономического исследования. Дальнейший анализ предполагает следование «специфической логике специфического предмета», который относительно различен в зависимости от целей экономической деятельности: 1) создания товарного богатства, 2) присвоения его полезных свойств индивидом.

Дисциплинарная матрица общей экономической теории

Понятие «парадигма» восходит к Платону и выражает основополагающий первообраз (*παράδειγμα*), который порождает воспринимаемые нами явления (Платон, 1971. Т. 1. С. 489). С точки зрения современной науки оно недостаточно отображает онтологическую составляющую исследования. Для уточнения Т. Кун ввел понятие дисциплинарной матрицы, которое «учитывает, во-первых, принадлежность ученых к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил научной деятельности, которые состоят из символических обобщений (законов и определений основных понятий теории); метафизических положений, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования; «общепринятых образцов» — схем решения конкретных задач («головоломок»), дающих ученым методику разрешения проблем в их повседневной научной работе. Понятие дисциплинарной матрицы позволяет ответить на вопрос, каким образом осуществляется проектирование символических конструкций на сферу опыта»¹. Объектом исследования для К. Маркса, также как для А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля, а позднее А. Маршалла было богатство общества, которое он анализировал в исторически определенной, «буржуазной» ипостаси. Построение единой, субординированной и координированной системы экономических понятий стало возможным в результате творческого использования диалектики Аристотеля, дополненной материалистически переосмысленным гегелевским принципом совпадения логического и исторического (в марксизме он преобразован в принцип единства исторического и логического). Сами поня-

тия заимствованы из контента классической политической экономии (см.: Маркс, Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. 1–3), переработаны и дополнены автором «Капитала». Рассматриваемая дисциплинарная матрица имеет четко выраженные специфику и границы применения. Согласно распространенному мнению, здесь нет места «методологическому индивидуализму», предполагающему в качестве исходного пункта экономического анализа индивида, а не товар как элементарную клеточку буржуазного богатства. Но, чтобы выйти за формальные рамки монистически выстроенной системы категорий товарного богатства, попробуем найти в ней альтернативный исходный пункт.

Исторические примеры методологического дуализма обнаруживаются начиная с трудов Аристотеля. В средние века наряду с холистическими воззрениями получает развитие концепция, которая «воспринимает общество не иначе как с точки зрения индивида». Сами эти индивиды «уникальны и несводимы один к другому» (Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России, 2016. С. 37, 38). В новое время Томас Гоббс в своем трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» выделяет отдельного человека как элемент общественной жизни («государства») (Гоббс, 1991). Его последователь Джон Локк создает трудовую теорию собственности, в которой «индивид» выступал исходным пунктом социально-экономического развития (Локк, 1988). Эта тенденция прослеживается и в трудах представителей классической политической экономии, включая К. Маркса: «Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно, общественно определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 17). Впрочем, К. Маркс не следует принципу методологического дуализма, а вырабатывает метод материалистической диалектики, который может быть охарактеризован как выведение изучаемого явления из единой причины и единого основания. Единым основанием являются производительные силы, включая главную из них — рабочую силу. Единой причиной выступает система экономических отношений как специфическая форма функционирования и развития производительных сил. Поэтому в представленной на рис. 3 системе категорий политической экономии товарного производства присутствуют два исходных пункта: *товар*, свойства которого раскрываются в первой строке (бытие), и *производящий индивид*,

¹ Юдин Б. Г. Дисциплинарная матрица // Новая Философская Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija (дата обращения 07.05.2019).

<i>Потребность</i>	<i>Благо</i>	<i>Экономическая потребность</i>	<i>Экономическое благо</i>
<i>Экономический принцип</i>			
<i>Выбор</i>	<i>Ограниченность ресурсов (в исходном пункте — рабочего времени)</i>	<i>Альтернативное использование ресурсов (экономический выбор)</i>	<i>Излишек общества (реальный доход, или чистая выгода)</i>

Источники: Аристотель. Никомахова этика; Политика (1984, т. 4); Менгер К. Основания политической экономии (1992); Нуреев Р. М. Курс микроэкономики (2011); Роббинс Л. Предмет экономической науки (1993).

Рис. 4. Базовые понятия общей экономической теории (ОЭТ)

функциональные характеристики которого представлены во второй строке (сущность). Покажем принципиальную возможность построения на том же методологическом основании системы общих экономических категорий (рис. 4).

Раскроем онтологическое содержание использованных понятий:

— Потребность, как нужда, и благо, как средство ее удовлетворения, могут быть соотнесены с любым живым существом. Чтобы приобрести экономическую определенность, потребность должна превратиться в мотив (осознанную цель), а условием ее удовлетворения должна стать целесообразная человеческая деятельность по нахождению, созданию или распределению благ, количество которых недостаточно по сравнению с имеющимися потребностями. В этих случаях мы употребляем понятия *экономическая потребность* и *экономическое благо*.

— *Экономический принцип* мы рассматриваем как конструкт, у которого есть онтологическое содержание: «Экономический принцип является приложением рациональности к ситуации редкости: минимизировать затраты относительно заданных целей (например, уровня полезности) или максимизировать полезность для данного уровня затрат или ресурсов» (Slembeck, Tilman; см. также: Экономика предприятия, 1999. С. 29–30).

— Выбор, по нашему мнению, не является исключительным достоянием человека. Это понятие соотносится с мыслительной деятельностью любого живого существа. То же самое можно сказать об ограниченности ресурсов, без которой не могла возникнуть нужда (потребность). Но Л. Роббинс в своей статье «Предмет экономической науки» говорит об особом ресурсе — времени человеческой жизнедеятельности, составляющем 24 часа в сутки, которое он делит на труд и отдых. Труд сопряжен с альтернативным использованием остальных ресурсов и может быть охарактеризован как экономический выбор, который составляет исключительное достояние человека. С ним связано возникновение излишка обще-

ства (у Роббинса — реальный доход) (Роббинс, 1993).

Если мы теперь соотнесем дисциплинарные матрицы классической политической экономии и общей экономической теории, то увидим черты сходства, которое определяется природой основных методологических положений, и различия, обусловленные предметом исследования. Дальнейший анализ стимулировал нас к внесению некоторых правок в базовые понятия трудовой теории стоимости, включая субординацию и координацию соответствующих категорий (Дятел, 2019).

Методологические принципы маржинального экономического исследования и спецификация категорий неоклассики

В цитируемом выше источнике (История экономических учений, 2009) вторым представлен *принцип статического подхода*: «Маржиналистов интересовал не динамический, а статический аспект экономической системы, не процесс, а архитектоника, не то, как изменяется экономика, а то, как она устроена. Изменение и динамика в этой теоретической системе трактовались как последовательность дискретных статических состояний (так называемая сравнительная статика)» (История экономических учений, 2009. С. 178–179). Поскольку мы затрагиваем онтологический аспект, хотелось бы сделать его предметным и операциональным. Обратимся к высказываниям наших современников и тех экономистов, кто ввел и обосновал данный подход. В одном из популярных российских учебников по микроэкономике указывается: «В статических моделях фактор времени явно не учитывается. Они представляют собой как бы мгновенные «фотоснимки» динамических процессов. Сравнение таких мгновенных состояний называют методом сравнительной статики. При этом обычно сравниваются различные равновесные состояния рынка, тогда как сам процесс перехода от одного состояния к другому остается как бы «за кадром» (Гальперин В.М. и др., 2002, Т. 1. С. 52). В истории экономической мысли

неоднократно предпринималась попытка разобраться, что же остается «за кадром»? Однозначного ответа нам не удалось найти. Статический подход по определению предполагает рассмотрение при прочих равных условиях (*ceteris paribus*). Но, когда речь идет о функциональных зависимостях — таковы кривые спроса и предложения, нужны уточнения. Й. Шумпетер характеризует статический анализ как «метод объяснения экономических явлений, устанавливающих соотношения между элементами экономической системы — ценами и количествами товаров, — которые (все без исключения) имеют один и тот же временной индекс, иными словами — относятся к одному и тому же моменту времени» (Шумпетер, 2001, т. 3. С. 1269). Это «более высокий уровень абстракции» (по сравнению с экономической динамикой. — Е. Д.), для которого необходимо отвлечься от «дополнительных черт реальности» (Там же. С. 1269–1270).

«Один и тот же временной индекс» Й. Шумпетера вряд ли может быть отождествлен с физическим временем, которое измеряется оборотами Земли вокруг светила или ее вращением вокруг своей оси. В микроэкономике используются понятия кратчайшего, краткосрочного и долгосрочного периода, в течение каждого из которых соотношение спроса и предложения подчиняется единым закономерностям¹. Например, краткосрочный период характеризуется тем, что в течение данного отрезка времени не изменяется хотя бы один фактор предложения. Предполагая установленные в различные моменты «физического» времени одну и ту же предельную норму замещения цен и количеств товаров², мы абстрагируемся от

экономического аспекта — для нас это один и тот же временной промежуток. В этом смысле мы можем говорить о статичной системе общего равновесия Л. Вальраса, в которой вся необходимая информация заключена в ценах. Но поскольку цены являются относительными и зависят друг от друга, они нуждаются в соизмерении при помощи денег — универсального носителя экономической информации.

Реальные деньги нельзя ввести в статичную систему общего равновесия, не учитывая их приведенную стоимость (*present value*), которая свидетельствует об изменяющихся пропорциях межвременного обмена товаров и услуг. Осуществляясь ежечасно и ежеминутно, подобный обмен стирает границу между физическим и экономическим временем. Поэтому, чтобы выйти на абстрактный уровень сравнительной статики, нужно ввести *положение о нейтральности денег*. Оно дает возможность отвлечься от временных реалий и позволяет сформулировать *еще один методологический принцип маржиналистской революции — равновесного подхода*, выражающего всеобщую взаимозависимость и сравнимость относительных цен.

Выше мы определили *ceteris paribus* общего равновесия, одним из ключевых моментов которого является положение о нейтральности денег. Прежде чем оно было сформулировано, Л. Вальрас сделал несколько попыток включить в свой анализ общего равновесия «предельную полезность денег». Эти попытки не дали однозначного результата (см.: Селигмен, 1968. С. 246–247). По мнению Й. Шумпетера, «в случае денег невозможно сделать то, что можно сделать в любом другом случае — вывести их меновую стоимость из функций предельной полезности» (Шумпетер, 2001, Т. 3. С. 1434). Отсюда и появился термин «нейтральность денег», который был введен выдающимся шведским экономистом К. Викселем, хотя последний, как явствует из контекста цитируемого источника, вскоре от него отказался. Заключая, Й. Шумпетер утверждает, что «не существует такой вещи, как нейтральные деньги ... — интересный случай, когда понятие оказало ценную услугу, показав свою неприменимость» (Шумпетер. Т. 3. С. 1432–1433). По этой или по другим причинам данный термин практически исчез из русскоязычной литературы и не используется в преподавании неоклассической экономической теории³.

¹ Данные понятия заслуженно увязываются с именем А. Маршалла. Но это не означает, что они в той или иной форме не использовались до А. Маршалла и даже до Л. Вальраса — см., например, анализ Й. Шумпетером временного аспекта сравнительной статики Д. Рикардо (Шумпетер, 2001, Т. 2. С. 647–648). Впрочем, и само понятие сравнительной статики было введено не Л. Вальрасом, а Францем Опенгеймером — младшим современником А. Маршалла.

² «К лучшему или нет, но в промежутке 1879–1914 гг. экономическая теория почти полностью заключалась в статическом микроэкономическом анализе, непосредственно основанном на правиле равенства предельной нормы замещения» (Блауг, 1994. С.278). В современных учебниках микроэкономики используются аналогичные (операциональные) формулировки: «Исследование изменения результатов в ответ на изменение экономических параметров, при которых он получен, называется анализом сравнительной статики» (Мас-Колелл А. и др. 2016. С. 31; см. также С. 439–441).

³ Это не относится к денежной теории. В переводном учебнике Л. Харриса «нейтральным деньгам» посвящены мно-

Равновесный подход Л. Вальраса (как и «нейтральные деньги») — абстракция высокого уровня. Милтон Фридмен даже охарактеризовал вальрасову модель как «форму экономического анализа без предмета этого анализа» (цит. по: Селигмен, 1968. С. 247). Но сам Фридмен говорит: «В качестве языка теория не имеет собственного содержания — она суть совокупность тавтологий. Ее функция заключается в том, чтобы служить системой ... для упорядочения эмпирического материала и облегчения его понимания» (Фридмен, 1994. С. 23). Думается, без вальрасовой системы общего равновесия трудно, а может быть и невозможно, построить завершенную понятийную матрицу микроэкономического анализа.

Следующий *методологический принцип* — *экономической рациональности* — также нуждается в содержательном рассмотрении. Ранее мы его интерпретировали как экономический принцип, включенный в ОЭТ. Но «общая экономика» вплоть до начала маржиналистской революции «пребывала в том состоянии, в котором она была оставлена английскими классиками, в частности Дж. С. Миллем. Нации для экономистов оставались аморфными скоплениями индивидов. ... Сами индивиды тоже не воспринимались как живые и борющиеся люди; они оставались лишь бельевыми веревками, на которых развешивались тезисы экономической логики» (Шумпетер, 2001. Т. 3. С. 1170). И только в неоклассике данный принцип становится мотивом реального экономического поведения, стимулирует индивида к достижению оптимального распределения ресурсов.

Не менее важны два оставшиеся принципа: *предельного анализа* (*marginal analysis*); *математизации*. Маржинальный анализ включен в контент любого исследования или изложения основ неоклассической экономической теории. В литературе он интерпретируется как: 1) способ исследования функциональных зависимостей, где единичному приращению независимой переменной соответствует приращение функции; 2) применение дифференциального исчисления в экономической науке; 3) анализ, основанный на использовании предельных величин; 4) оценка состояния экономических процессов, например, соотношения издержек и выгод, при внесении минимальных дополнительных изменений. С этими и аналогичными определениями можно согласиться. В то же время предельный анализ суть нечто боль-

шее. Он сформирован всем ходом становления и развития экономической науки, и его с не меньшими основаниями можно причислить к базовым принципам ОЭТ. Математизацию не все историки экономической мысли выделяют в качестве особенного методологического принципа маржинализма. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, экономика всегда имеет дело с количественными соотношениями, а следовательно, применением математики. В таком философско-экономическом произведении, как «Капитал» К. Маркса, присутствуют не только элементарные расчеты, но и алгебраические формулы, выражающие соотношение между постоянной и переменной частями капитала. Особое место занимают схемы общественного воспроизводства, в которых устанавливается взаимосвязь между натуральными элементами экономических процессов (средства производства, предметы потребления, рабочая сила) и общественной формой их реализации — капиталистическими производственными отношениями. Думается, независимо от оценки полученных автором «Капитала» окончательных выводов следует признать научную правомерность и эвристический потенциал данного подхода. Во-вторых, математизация не характерна для австрийской школы, достижения которой внесли свой вклад в формирование нового экономического мышления. Но наряду с сомнениями в правомерности указанного методологического принципа существует неопровержимый аргумент в его пользу. Начиная с Даниила Бернулли, А. Курно и заканчивая многими выдающимися экономистами нашего времени математические методы исследования стали такой же неотъемлемой частью экономического мышления, как и рассмотренный ранее логический аппарат Аристотеля, Гегеля, Дж. С. Милля, К. Маркса. Логика дифференциального исчисления, включающая переменные, функции, пределы, непрерывность, максимумы и минимумы, в корне изменяет исследование количественных отношений, позволяет получать результаты, которые недостижимы при использовании традиционных подходов. Другой вопрос, что применение новых математических методов становится возможным, если это позволяют специфика предмета и соответствующий уровень его логического осмысления.

Дж. С. Милль: логические основания математизации экономической теории

В основе дисциплинарной матрицы политической экономии лежит субординированная

система методологических принципов и категорий. Отражая историю и логику познания хозяйственных явлений, она остается актуальной по настоящее время и может быть использована при структурировании экономико-теоретического знания для целей преподавательской деятельности и в качестве предпосылки содержательного исследования конкретных проблем. Однако нельзя обойти вниманием вопрос о соотношении и взаимосвязи восхождения от абстрактного к конкретному как способа мышления, формирующего на основе определенных теоретических положений картину окружающего мира, и математических методов, позволяющих количественно измерять константы, параметры, функциональные переменные и переходить от содержательных к формализованным моделям исследуемых явлений.

Несмотря на попытки использования математического аппарата отдельными представителями классической политической экономии, границу между двумя вышеупомянутыми методологическими подходами мы склонны отождествлять с разделением между «континентальной», в первую очередь классической немецкой, и «аналитической», получившей свое наиболее полное воплощение на англо-американской почве, философскими традициями. В качестве яркого образца и вершины первого направления оправданно считать диалектический и исторический материализм. Движение в сторону второго направления есть основания идентифицировать с выходом в свет «Системы логики» Дж. С. Милля, в которой он «выступает как предтеча аналитической философии, получившей развитие в XX в. ... Милль и другие сторонники феноменалистского конструирования реальности исходили из представления о наиболее экономном описании и объяснении всего происходящего, считая заблуждением ссылки на субстанциальную основу явлений»¹. Но, по крайней мере внешне, такому выводу противоречит характеристика Миллем содержания экономической науки: «Авторы работ по политической экономии провозглашают своей целью преподавание или исследование сущности богатства, законов его производства и распределения. Прямо или косвенно сюда включается действие всех причин, обусловли-

вающих процветание или прозябание человечества в целом и всякого сообщества людей в зависимости от степени достижения богатства — этого всеобщего предмета человеческих желаний» (Милль, 1980. Т. 1. С. 81).

Дж. С. Милль — последний великий представитель классической политической экономии и, одновременно, создатель не утративших своей актуальности трудов по логике научного исследования, столкнулся с проблемой индукции². В поисках решения данной проблемы Дж. С. Милль обратился к истории математики и ее применения в естествознании. Он говорит: «...в математике есть примеры так называемого наведения, которых заключение имеет вид обобщения, основанного на некоторых из обнимаемых им частных случаев. Математик, исчислив столько членов алгебраического или арифметического ряда, что уже сознал так называемый закон ряда, не колеблясь наполняет всякое число последовательных членов, не повторяя уже вычисленных» (Милль, 1865. Т. 1. С. 338–339). Он приводит примеры «этого простого процесса», включая «процесс, посредством которого Кеплер открыл природу планетных орбит. Кеплер знал, что планеты продолжают двигаться по тому же пути; и потому, открыв, что эллипсис правильно представляет пройденный путь, Кеплер знал, что этот эллипсис представляет и будущий путь» (Милль, 1865. С. 341–342). Таким образом появляется возможность перехода от индукции («наведения») к практическому применению общих законов. К сожалению, для формализации категорий политической экономии эти законы оказались малоприменимыми. Обсуждаемым является вопрос об их применении при выведении функциональных зависимостей в микроэкономике и в целом современной экономической теории. При этом остаются сомнения в практической значимости полученных результатов.

Р. Коуз следующим образом характеризует некоторые из базовых положений неоклассики: «Потребитель предстает не как человек, а как согласованный набор предпочтений.

² Он, задолго до К. Поппера, понимал, что: «Ни одно универсальное утверждение не может быть логически строго выведено или окончательно установлено из сколь угодно большого числа частных утверждений, но любое универсальное утверждение может быть логически опровергнуто одним-единственным частным утверждением с помощью дедуктивной логики» (Блауг, 2004, с. 57; см. также: Поппер, 1983, с. 46–47). По словам Милля: «Что все металлы тонут в воде, было единообразным опытом, от начала рода человеческого до открытия калия в настоящее столетие ... Что все лебеди белы, было единообразным опытом до открытия Австралии» (Система логики. Т. 1, с. 317).

¹ Индуктивистский позитивизм Джона Стюарта Милля // Библиотека по философии (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st017.shtml>) — дата обращения 09.07.19. // Библиотека по философии (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st017.shtml>) (дата обращения 09.07.19)).

Фирма для экономиста, как сказал Слейтер, «по существу являет собой кривую спроса и кривую предложения, а вся теория сводится к логике оптимального выбора цены и комбинации затрат». Обмен происходит вне каких-либо институциональных рамок. Мы получили потребителей, не имеющих и следов принадлежности к роду людскому, и фирмы, не знающие, что такое организация и даже обмен, осуществляемый вне рынков. Созданный экономической теорией рациональный максимизатор полезности ничем не напоминает обычного человека, трясущегося в городском автобусе, и вообще никакого мужчину (или женщину) ни в каком автобусе» (Коуз, 1993. С. 6). Близкие по смыслу утверждения высказывали Ричард Н. Нельсон и Сидней Дж. Уинтер (2002. С. 24), Дуглас Норт (1997. С. 14) и другие современные экономисты. Соглашаясь с ними, мы считаем возможным рассматривать эти характеристики неоклассики, во-первых, как «фальсификацию», что является критерием научности теории (Поппер К. 1983. С. 245), и, во-вторых, как еще не решенную до конца проблему идентификации математической формы предельного анализа в качестве специфической логики ее предмета.

Политическая экономия vs экономикс

Маржиналистская революция ни формально, ни по существу не означала завершения политэкономических исследований. Достаточно вспомнить названия трудов У. С. Джевонса (*The Theory of Political Economy*. — London: Macmillan & Co, 1871), Л. Вальраса (*Éléments d'économie politique pure; ou, theorie de la richness sociale*. — Lausanne, 1874; 1877), К. Менгера (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, 1871; в русск. пер.: «Основания политической экономии» (1992) и других основоположников маржинализма. Синтез классической политической экономии и неоклассики представлен в произведении А. Маршалла «*Principles of Economics*», который переводили на русский язык и как «Принципы экономической науки» (1993), и как «Принципы политической экономии» (1983). Далее мы остановимся на этой работе более подробно. Но вначале уточним свою позицию по вопросу взаимосвязи, т. е. различий и преемственности политической экономии и экономикс (неоклассики).

Общественная жизнедеятельность может быть охарактеризована через соотношение ее целей и материальных средств их осуществления. Экономика составляет опосредующее звено в этом единстве противоположностей.

Если воспользоваться терминологией Бём-Баверка (1992), речь идет о диалектике субъективной и объективной ценности. Субъективная ценность — значение блага для индивида, для реализации целей его жизнедеятельности; объективная ценность — это, к примеру, «отопительная ценность» дров и угля и т. д. В последнем случае «из понятия «ценность» изгоняется всякое представление о том, какое значение имеет она для счастья или несчастья субъекта». Но, если перейти от гигакалорий дров и угля к их общественной ценности, то, как пишет Бём-Баверк: «Я сам привел эти примеры собственно лишь для иллюстрации, чтобы при помощи их яснее определить природу той категории объективных ценностей, которая представляет громадную важность для политической экономии: это объективная меновая ценность материальных благ. Под меновой ценностью разумеется объективное значение материальных благ в сфере обмена, или, другими словами, когда говорят о меновой ценности материальных благ, то имеют в виду возможность получить в обмен на них известное количество других материальных благ, причем эта возможность рассматривается как сила или свойство, присущие самим материальным благам» (Бем-Баверк, 1992). Это означает, что в диалектику объекта и предмета экономической науки должны быть включены: а) товар — материальный объект политической экономии, обладающий меновой ценностью; б) услуга — специфический предмет неоклассического экономического исследования. Посмотрим, как верифицируются эти понятия в «*Principles of Economics*».

А. Маршалла нередко сравнивают с А. Смитом — оба они предстают как ученые, сумевшие обобщить и синтезировать результаты предшествующего этапа развития экономической науки. Роль Маршалла не следует ограничивать проведенной им систематизацией результатов маржиналистской революции. Он сохранил преемственность с методологическим подходом и понятийным аппаратом классической политической экономии. Ярким примером является то, как в исходном пункте восхождения от абстрактного к конкретному — с целью обоснования непротиворечивой системы исходных (базовых) понятий новой экономической теории, — Маршалл позиционирует проблему соотношения трансформационного (материального) содержания производительного труда и его неотъемлемой характеристики как (услугообразующей. — Е. Д.) деятельности, создающей полезные свойства

продукта: «Человек не состоянии создавать материальные предметы как таковые. ... он фактически производит лишь полезности; иными словами, прилагаемые им усилия и приносимые им жертвы имеют своим следствием изменение формы или структуры материи с целью лучшего приспособления ее для удовлетворения потребностей» (Маршалл, 1983. Т. 1. С. 122). У А. Маршалла за трансформацией материи и созданием полезностей следует потребление, приводящее к дезагрегации объекта: «Поскольку человек способен производить лишь полезности, постольку и потреблять он может только их. Он в состоянии производить услуги и другие нематериальные плоды своего труда, и он может их потреблять. Но поскольку осуществляемое им производство материальных продуктов в действительности представляет собой не что иное, как переделку материи, постольку и потребление их человеком — это не что иное, как перестройка материи, уменьшающая или разрушающая ее полезность» (Там же. С. 123). Этот процесс может быть измерен и управляем путем выбора между различными видами потребления одной и той же вещи. Общий закон Маршалл формулирует следующим образом: «Когда человек располагает вещью, которую можно употребить для нескольких целей, он распределяет ее между этими целями таким образом, чтобы она имела равную предельную полезность в каждом случае. Если бы вещь обладала при одном виде ее употребления большей предельной полезностью, чем при другом, ее владельцу было бы выгодно изъять какое-то ее количество из второго вида употребления и применить в первом» (Там же. С. 183). Отсюда задача обмена полезностями (услугами) 1) внутри домохозяйства, 2) в примитивной бартерной экономике и, наконец, 3) «когда товаров становится очень много и они приобретают узкоспециализированный характер, возникает настоятельная потребность в повсеместном применении денег, или всеобщей покупательной силы». Теперь, в «денежной экономике признаком хорошего ведения хозяйства служит такой расклад пределов выделения средств на каждый вид расхода, чтобы предельная полезность товаров стоимостью в 1 шилл. во всех случаях была одинаковой» (Там же. С. 184). Маршалл говорит о необходимости строгого учета, позволяющего «свести баланс таким образом, чтобы совокупная потеря полезности оказалась минимальной, а остаток совокупной полезности максимальным» (С. 185).

Эти рассуждения не остались незамеченными историками экономической мысли.

Блауг, а за ним и другие исследователи, резюмируют их применительно к условиям денежной экономики: «Теперь мы можем переформулировать закон равенства предельных полезностей к ценам в условиях потребительского равновесия в трех эквивалентных формах: потребитель максимизирует свое удовлетворение, когда 1) он уравнивает взвешенные предельные полезности всех товаров, т. е. предельные полезности товаров, взвешенные по их ценам; 2) он уравнивает соотношение предельных полезностей и соотношение цен для каждой пары потребляемых товаров; 3) он уравнивает предельную полезность долларовой стоимости каждого товара, купленного по данной рыночной цене, т. е. уравнивает предельную полезность долларов, истраченных на всех рынках» (Блауг, 1994. С. 316). В таком, очищенном от онтологических и исторических экскурсов А. Маршалла виде он вошел в современные учебники экономической теории, что позволяет построить — при прочих равных условиях, включающих многочисленные предпосылки и постулаты, — кардиналистскую модель потребительского поведения (см.: Нуреев, 2011. С. 122–125). Правда, отмечает М. Блауг (1994. С. 327), «мы можем «объяснить» поведение потребителя на базе как порядкового, так и количественного способа измерения полезности. От потребителя лишь требуется, чтобы он уравнивал соотношения предельных полезностей с соотношением цен, а теория ценообразования не требует ни межличностного сопоставления полезности, ни внутриличностных сопоставлений полезности при попарном выборе товаров». Мы склонны считать, что в определенном смысле здесь реализуется поставленная Дж.С. Миллем задача выявления и использования общих законов, представленных в их формально-математическом виде. Однако такое логически непротиворечивое «объяснение» оставляет за пределами рассмотрения многие важные детерминанты экономической жизни индивида и общества. Исходя из целей нашего исследования, мы попытались, насколько возможно дословно, воспроизвести онтологическое обоснование А. Маршаллом «свойств экономической системы, которые играют наиболее важную роль в приспособлении ее к работе, какую ей приходится выполнять ...» (1983. Т. I. С. 108). В структурно-логической схеме (матрице) на рис. 5 представлены субординация и координация заимствованных из «Принципов экономикс» понятий¹.

¹ См. в книге II «Некоторые основные понятия» главу III

Цели и предметы человеческой деятельности	Трансформация материального содержания (производительный труд)	Формирование полезности (услугообразующая деятельность)	Полезное свойство вещи (услуга)
			Потребление
Выбор между различными видами потребления	Ограниченное количество экономических благ (ресурсов)	Замещение предельных полезностей	Равная предельная полезность используемых свойств
Обмен продуктами и деятельностью (услугами)			
Деньги («всеобщая покупательная сила»)	Одинаковая предельная полезность товаров «стоимостью 1 шиллинг»	Строгий (денежный) учет расходов	Баланс расходов, максимизирующий совокупную полезность
			Межвременной обмен
Капитализация собственности («удовольствие обладания»)	Богатство как источник долговременных удовольствий	Скидка на будущую выгоду (дисконтирование)	Одинаковая предельная полезность настоящих и будущих расходов

Рис. 5. Онтологическое обоснование А. Маршаллом базовых экономических понятий (составлено автором. — Е. Д.)

Читателю, знакомому с «Основами политической экономии» Милля, бросается в глаза почти дословное воспроизведение его аргументации о соотношении материи и человеческой деятельности (1980. Т. 1. С. 122). С этим можно согласиться, если считать, что полезные свойства редких (в экономическом смысле) благ создает исключительно целесообразная человеческая деятельность и данная функция представляет собой услуги труда. Но есть и принципиальные возражения. Человек не в состоянии создавать (или уничтожать) «материю» — объективную реальность, существующую вне и помимо его сознания. Он может преобразовывать ее состояния: вещество в энергию (например, каменный уголь в тепловую энергию); создавать новую информацию, изменяя структуру материальных предметов. У нас нет оснований думать, что Дж. С. Милль или А. Маршалл не знали природы упомянутых трансформаций. Проблема — в игнорировании восходящей к Аристотелю, Гегелю и продолженной Марксом классической философской

«Производство, потребление, труд, насыщенные жизненные средства», трактующую общественный характер целесообразной человеческой деятельности и ее результаты; в книге III «О потребностях и их удовлетворении» главу V «Выбор между различными видами потребления одной и той же вещи. Немедленное и отложенное потребление». В предшествующих главах А. Маршалл рассматривает, не выходя далеко за пределы классической политической экономии, предмет и метод экономической науки. В других главах с кардиналистских позиций рассмотрен категориальный аппарат микроэкономики, представленный сегодня в любом учебном пособии, — спрос и предложение и т. д.

традиции, согласно которой «материя» развивается через уходящие в основание формы движения. И это не просто новые полезности, а новые материальные предметы: у Аристотеля — скульптура, созданная из куска мрамора; у Гегеля — орудия, в которых «человек обладает властью над внешней природой»; у Маркса — система экономических отношений, реализующих общественные цели производства. Так проявляется диалектика целей человеческой деятельности и материальных средств ее осуществления. Именно поэтому в экономической теории она может быть охарактеризована через диалектику объекта (товар) и предмета (услуга) экономического исследования.

В качестве отступления отметим, что в русскоязычной литературе, в преподавании и организации научной деятельности постсоветских стран сохранилось, восходящее еще к Адаму Смиту, понимание услугодующей деятельности как относящейся к непродуцирующей сфере. Во многих учебниках экономических дисциплин до настоящего времени говорится не об услугах труда, а о товаре рабочая сила, не об услугах капитала, а о необходимости преимущественного развития производства средств производства. Укажем для сравнения, что в неоклассике (Л. Вальрас) даже наличные деньги могут функционировать как носитель производительной услуги: «Спрос на деньги порождает денежный рынок. Это спрос на определенного рода производственную услугу, на которую также должна быть установлена цена, соответствующая равновесию» (цит. по: Селигмен, 1968. С. 247). Подобная точка

зрения позволяет перейти от затратных (стоимостных или натуральных) показателей к экономическому измерению получаемого полезного эффекта как альтернативной стоимости, или упущенной выгоды. Это важнейшая характеристика последовавшего в дальнейшем перехода от индустриального общества, в котором главным продуктом является товарное богатство¹, к обществу услуг (*society services*). Один из наиболее глубоких исследователей истории экономической мысли М. Блауг пишет: «Однако после 1870 г. экономисты, как правило, постулировали некоторое заданное предложение факторов производства, независимо определяемое началами, действующими вне сферы компетенции анализа. Суть экономической проблемы заключалась в поиске условий, при которых данные производительные услуги распределялись бы с оптимальным результатом между конкурирующими направлениями использования — оптимальным, в смысле максимального удовлетворения потребителей» (Блауг, 1994. С. 276).

Заключение

Накопленные человечеством знания нуждаются в организующем начале, позволяющем сравнивать альтернативные концепции, находить общие закономерности и, в конечном счете, выходить на передний край науки. Происходит постоянная переработка и спецификация понятий, отражающих современные реалии хозяйственной жизни. Достижения исследователей превращаются в новые направления развития теории, а в конечном счете становятся содержанием учебников и учебных пособий, формирующих современное экономическое мышление.

Маржиналистская революция ознаменовала кардинальный сдвиг в методологии исследования хозяйственной жизни общества. Ее становление связано с переходом к новой дисциплинарной матрице, важную роль в которой играет принцип методологического индивидуализма. Он известен задолго до повторного открытия неоклассиками, но длительное время пребывал в латентном состоянии. С объяснением многообразной и многомерной картины экономической жизни общества успешно справлялась аристотелевская логика. Дополненная гегелев-

ской диалектикой, она позволяла перерабатывать представления о хозяйственной деятельности человека в систему субординированных и координированных экономических категорий. У основоположников маржинализма базовые понятия формально еще принадлежат классической политической экономии². Понадобилось пройти немалый путь от представлений о товарном богатстве — в форме запаса накопленных обществом потребительных и меновых стоимостей — к его пониманию как совокупности активов, использование которых создает излишек общества, или «реальный доход». На повестку дня встала задача нахождения единой меры и единого способа подсчета результатов экономической деятельности в сфере производства, распределения (обмена) и потребления. Чтобы применить метод предельного анализа, необходимо было найти общее для всех экономических явлений свойство, которое может быть измерено в одном и том же масштабе, в одних и тех же единицах. Эту роль выполняет услуга, полезность которой «не является внутренним свойством вещей, а представляет собой зависимость между оценивающим лицом и оцениваемыми вещами»³. Соответствующую оценку полезности одним из первых дал Даниил Бернулли (1993), которого, наряду с Ж. Дюпюи, А. Курно, можно отнести к прародителям маржинального анализа.

Маржинальный подход предполагает достаточно абстрактный уровень исследования. Он предопределен всей совокупностью методологических принципов, которые создают потенциальную возможность построения системы уравнений общего равновесия и других экономико-математических моделей. Каждый шаг на пути моделирования опирается на вновь вводимые понятия: кривые спроса и предложения, кривые безразличия и др. Граничные условия задаются выявленными предпочтениями потребителя и другими абстракциями, рассмотрение которых выходит за рамки статьи. Ее задача состояла в том, чтобы показать взаимосвязь и преемственность маржиналистской революции с категориальным ядром и логической структурой классической политической экономии.

¹ «В рамках классической экономической теории ... экономическое благосостояние понималось в физических категориях и принималось приблизительно соответствующим объему совокупного продукта» (Блауг, 1994. С. 276).

² К. Менгер «всю свою жизнь оставался приверженцем аристотелевской модели мышления (Блауг, 1994. С. 281).

³ «Это было совершено ясно еще ученым-схоластам и, во всяком случае, десяткам авторов XVIII в.» (Шумпетер, 2001. Т. 1. С. 396. Примечание).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аристотель*. Соч.: в 4-х т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 1, 2, 4.
- Бем-Баверк Е.* Основы теории ценности хозяйственных благ (Часть I. Теория субъективной ценности; Часть II. Теория объективной меновой ценности) // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер / сост. и предисл. В. С. Автономова. — М.: Экономика, 1992.
- Бернулли Д.* Опыт новой теории измерения жребия // Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 1993. — 380 с.
- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. пер. с англ. — М.: «Дело ЛТД», 1994. — 720 с.
- Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
- Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика: в 2-х т. — СПб.: Институт «Экономическая школа», 2002. — Т. 1. — 348 с.
- Гоббс Т.* Соч.: в 2-х томах. — М.: Мысль, 1991. — Т. 1. — 732 с.
- Дятел Е. П.* Политическая экономия versus экономикс // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 74–75.
- Дятел Е. П.* Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории // Журнал экономической теории. — 2019 — Т. 17. — № 3.
- Ивлева Г. Ю.* Рациональная эклектика как выражение кризиса экономической теории и способ выхода из него // Философия хозяйства. — 2003. — № 3.
- История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой.* — М.: ИНФРА-М., 2009. — 784 с.
- Коуз Р.* Фирма, рынок и право: пер. с англ. — М.: «Дело ЛТД», 1993. — 192 с.
- Локк Дж.* Соч. в 3-х томах. — М.: Мысль, 1988. — Т. 3. — С. 135–405.
- Маршалл А.* Принципы политической экономии. — М.: Прогресс, 1983. — Т. 1. — 415 с.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки. — М.: Издательский дом «Прогресс», 1993.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 20; 23; 26, ч. 1, 2, 3; 46, ч. 1.
- Мас-Колелл А., Уинстон М., Грин Д. Р.* Микроэкономическая теория: пер. с англ. — М.: «Дело», РАНХиГС, 2016. — Кн. 1–2. — 1333 с.
- Мельников С.* Введение в философию Аристотеля [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.bookmate.com/books/GjtJiqCu>.
- Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. — М.: Экономика, 1992. — С. 31–242.
- Милль Дж. С.* Система логики. Т. 1. — СПб., 1865. — 607 с.
- Милль Дж. С.* Основы политической экономии. — Т. 1. — М.: Прогресс, 1980. — 495 с.
- Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж.* Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
- Нуреев Р. М.* Курс микроэкономики: учебник для вузов. — 2-е изд., изм. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 561 с.
- Платон.* Соч.: в 3-х томах. — М.: Мысль, 1971.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы: пер. с англ. / составление, общая редакция и вступ. статья В. Н. Садовского — М.: Прогресс, 1983. — 604 с.
- Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 10–23.
- Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968. — 600 с.
- Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // Almanac THESIS. Научный метод. — 1994. — Т. II. — Вып. 4.
- Харрис Л.* Денежная теория. — М.: Прогресс, 1990. — 750 с.
- Шумпетер Й. А.* История экономического анализа: пер. с англ. под ред. В. С. Автономова, в 3-х т. — Т. 1. — 552 с., Т. 2. — 504 с., Т. 3. — 688 с. Т. 2, 507 с. — СПб.: Экономическая школа, 2001.
- Экономика предприятия / под ред. Ф. К. Беа, Э. Дихтла, М. Швайтцера.* — М.: Инфра-М, 1999. — 928 с.
- Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под общ. ред. А. Г. Худокормова, А. Лапидюса.* — М.: Инфра-М, 2016. — 783 с.
- Feyerabend P. K.* Against Method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. — London: NLB, 1975.
- Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. — Wien, 1871.
- Slembeck Tilman.* Ten Principles of Economics (as a Discipline) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slembeck.ch/principles.html>.
- Walras L.* Éléments d'économie politique pure; ou, theorie de la richness sociale. — Lausanne, 1874; 1877.
- Jevons W. S.* The Theory of Political Economy. — London: Macmillan & Co, 1871.

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

For citation: Dyatel, E. P. (2020). Conceptual Framework Formation of Classical Political Economy as Prerequisite for Marginalist Revolution. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17 (1), 1-16

Dyatel E. P.

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: dyatel1942@mail.ru)

Conceptual Framework Formation of Classical Political Economy as Prerequisite for Marginalist Revolution

The aim of this paper is to establish the relationship and continuity of the marginalist revolution. It is the starting point of modern economic thinking, with the categorical core and logical structure of classical political economy. The scientific worldview is formed by processing the totality of ideas about the economic life of society into a system of concepts. They reflect certain aspects of reality and are interconnected with each other. With the explanation of the multi-dimensional picture of the economic life of a society copes successfully Aristotelian logic, which is complemented with the Hegelian dialectic. The marginalist revolution is associated with the transition to a new disciplinary matrix, a new way of explaining reality. It takes a long way to go from the concept of commodity wealth in the form of a stock of consumer and exchange values accumulated by society to its understanding as a combination of assets, which use create "society surplus". There is the problem of finding a common way to calculate the results of economic activities in the production, distribution (exchange) and consumption. On the role of the general economic substance claims «service», which use is not an intrinsic property of things, but it is a relationship between the person assessing and evaluate things. The basis of the marginal approach to the calculation of the utility (value) is a set of methodological principles that create the conditions for building a system of general equilibrium equations and other mathematical economic models. Modeling is based on functional relationships displayed supply and demand curves, isoquants and indifference, etc. The boundary conditions are given consumer preferences and other abstractions that need further consideration beyond the scope of this research.

Keywords: categorical core of classical political economy, marginalist revolution, disciplinary matrix of economic thinking

References

- Aristotel'. (1984). *Soch.: v 4-kh t* [Collection of essays in 4 volumes]. Moscow, Russia: Mysl'. (In Russ.)
- Bem-Baverk, E. (1992). *Osnovy teorii tsennosti khozyaystvennykh blag (Chast' I. Teoriya subektivnoy tsennosti; Chast' II. Teoriya obektivnoy menovoy tsennosti). Avstriyskaya shkola v politicheskoy ekonomii* [Fundamentals of the value of economic goods theory (Part I. The theory of subjective value; Part II. Theory of objective exchange value)]. Moscow, Russia: Ekonomika. (In Russ.)
- Bernulli, D. (1993). Opyt novoy teorii izmereniya zhrebiya [Experience of the new theory of lot measurement]. In V. M., Gal'perina, (Eds.), *Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa* [Theory of consumer behavior and demand]. St. Petersburg, Russia: Ehkonomicheskaya shkola, 380. (In Russ.)
- Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic thought in retrospect]. Moscow, Russia: Delo Ltd, 1994, 720. (In Russ.)
- Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty obyasnayut* [The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain]. In V. S., Avtonomova, (Eds.), Moscow, Russia: NP «Zhurnal Voprosy ekonomiki», 416. (In Russ.)
- Gal'perin, V. M., Ignat'ev, S. M., & Morgunov, V. I. (2002). *Mikroekonomika: V 2-kh tomakh* [Microeconomics in 2 volumes, Vol. 1]. St. Petersburg: Institut „Ekonomicheskaya shkola“, 348. (In Russ.)
- Gobbs, T. (1991). *Soch. v 2-kh tomakh* [Collection of essays in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Russia: izd-vo «Mysl'», 732. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (2013). Politicheskaya ehkonomiya versus ehkonomiks [Political economy versus Economics]. *Zhurnal ehkonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2, 74–75. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (2019). Kriterii nauchnoy dostovernosti i sposoby povysheniya ehvristicheskogo potentsiala ehkonomicheskoy teorii [Scientific criteria and means of enhancing the heuristic potential of economic theory]. *Zhurnal ehkonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17(3), 513–527. (In Russ.)
- Ivleva, G. Yu. (2003). Ratsionalnaya ehklektika kak vyrazhenie krizisa ehkonomicheskoy teorii i sposob vykhoda iz nego [Rational eclecticism as an expression of the crisis of economic theory and a way out of it]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 3. (In Russ.)
- Avtonomov, V., Anan'in, O., & Makasheva, N. (Eds.). (2009). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: ucheb. posobie* [History of economic studies: manual]. Moscow, Russia: INFRA-M, 784. (In Russ.)
- Kouz, R. (1993). *Firma, ryok i pravo* [The Firm the Market, the Law]. Moscow, Russia: «Delo LTD», 192. (In Russ.)

- Lokk, Dzh. (1988). *Soch. v 3-kh tomakh. T. 3. [Collection of essays in 3 volumes. Vol. 3].* Moscow, Russia: Mysl', 135–405. (In Russ.)
- Marshall, A. (1983). *Printsipy politicheskoy ehkonomii. T.1 [Principle of political economy. Vol. 1]* Moscow, Russia: Progress, 415. (In Russ.)
- Marshall, A. (1993). *Printsipy ehkonomicheskoy nauki [Principle of Economics].* Moscow, Russia: Progress. (In Russ.)
- Marks, K., & Ehngels, F. *Soch. 2-e izd. T. 20; 23; 26, ch.1,2,3; T. 46, ch.1 [Collection of essays. V. 20; 23; 26, part 1, 2, 3; 46, part 1].* (In Russ.)
- Mas-Kolell, A., Uinston, M., & Grin, D. R. (2016). *Mikroehkonomicheskaya teoriya. Kn. 1–2 [Microeconomic theory. Books 1–2].* Moscow, Russia.: «Delo» RANKhiGS, 1333. (In Russ.)
- Meĭnikov, S. *Vvedenie v filosofiyu Aristotelya [Introduction to Aristotle's philosophy]*, available at: <https://ru.bookmate.com/books/GjtJiqCu> (In Russ.)
- Menger, K. (1992). *Osnovaniya politicheskoy ehkonomii. Avstriyskaya shkola v politicheskoy ehkonomii. K. Menger, E. Byom-Baverk, F. Vizer [Foundations of political economy. Austrian school of political economy].* Moscow, Russia: Ekonomika, 31–242. (In Russ.)
- Mill, Dzh., S. (1865). *Sistema logiki. T. 1 [System of logic. Vol. 1].* SPb., Russia, 607. (In Russ.)
- Mill, Dzh., S. (1980). *Osnovy politicheskoy ehkonomii. T.1. [Fundamentals of political economy. Vol. 1].* Moscow, Russia: Progress, 495. (In Russ.)
- Nel'son R. R., & Uinter, S. Dzh. (2002). *Evolyutsionnaya teoriya ehkonomicheskikh izmeneniy [Evolutionary theory of economic change].* Moscow, Russia: Delo, 536. (In Russ.)
- Nort, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy].* Moscow, Russia: Fond ehkonomicheskoy knigi «Nachala», 180. (In Russ.)
- Nureev, R. M. (2011). *Kurs mikroehkonomiki: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. [Microeconomics course: textbook for universities, 2-nd Ed.].* Moscow, Russia: Norma: INFRA-M, 561. (In Russ.)
- Platon (1971). *Soch. v 3-kh tomakh [Collection of essays in 3 volumes].* Moscow, Russia: Mysl'. (In Russ.)
- Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty [Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works].* In V. N. Sadovskiy (Eds.). Moscow, Russia: «Progress», 604. (In Russ.)
- Robbins, L. (1993). *Predmet ehkonomicheskoy nauki [The subject-matter of Economics]. THESIS [THESIS], 1, 10 — 23.* (In Russ.)
- Seligmen, B. (1968). *Osnovnye techeniya sovremennoy ehkonomicheskoy mysli [Main Currents in Modern Economics].* Moscow, Russia: Progress, 600. (In Russ.)
- Fridmen, M. (1994). *Metodologiya pozitivnoy ehkonomicheskoy nauki [The methodology of positive economics]. Almanac THESIS [Almanac THESIS], 2(4), 20–52.* (In Russ.)
- Kharris, L. (1990). *Denezhnaya teoriya [Monetary theory].* Moscow, Russia: Progress, 750. (In Russ.)
- Shumpeter, Y. A. (2001). *Istoriya ehkonomicheskogo analiza v 3-kh t [History of economic analysis in 3 volumes].* In V. S. Avtonomova (Eds.), V. 1, 552; V. 2, 504; V. 3, 688; Part 2, 507. SPb., Russia: Ekonomicheskaya shkola. (In Russ.)
- Bea, F. K., Dikhtla, Eh., & Shvaytsera M. (Eds.). (1999). *Ekonomika predpriyatiya [Economy of enterprise].* Moscow, Russia: Infra-M, 928. (In Russ.)
- Khudokormov, A. G., & Lapidysa, A. (Eds.). (2016). *Ekonomicheskaya teoriya v istoricheskom razvitii: vzglyad iz Frantsii i Rossii [Economic theory in historical development: a view from France and Russia].* Moscow, Russia: Infra-M, 783. (In Russ.)
- Feyerabend, P. K. (1975). *Against Method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge.* London: NLB.
- Menger, Carl. (1871). *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre.* Wien.
- Slembeck, Tilman. *Ten Principles of Economics (as a Discipline)*, available at: <http://www.slembeck.ch/principles.html>.
- Walras, L. (1874; 1877). *Éléments d'économie politique pure; ou, théorie de la richesse sociale.* Lausanne.
- Jevons, W. S. (1871). *The Theory of Political Economy.* London: Macmillan & Co.

Author

Evgeniy Petrovich Dyatel — Doctor of Economics, Professor of Political Economy Department, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: dyatel1942@mail.ru).